

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-95-101

**МИНИСТР ХОЗЯЙСТВА,
НО НЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП****(отрывок из VI главы книги “Благосостояние для всех”)****Л. Эрхард¹**

Передо мной лежат газетные вырезки первых лет моей деятельности в качестве директора Управления по делам хозяйства во Франкфурте и федерального министра хозяйства в Бонне. В то время писали: «Министр хозяйства – враг потребителей»; «Эрхард – министр тяжелой промышленности»; «Защитник стяжателей и спекулянтов» – так или примерно так звучали тогда обвинения в мой адрес.

Конечно, в серьезных дискуссиях эти обвинения давно отпали и даже самые непримиримые мои противники отказались от подобных формулировок.

Они вынуждены признать полную несостоятельность подобных обвинений, принимая во внимание мои многолетние усилия воздействовать на представителей крупных отраслей немецкого хозяйства, а также борьбу с ними. Как странно звучат вышеприведенные обвинения именно в эти месяцы, когда подготавливается к изданию эта книга, а я как раз нахожусь в серьезнейшем конфликте с целым рядом отраслей хозяйства, именно из-за того, чтобы предотвратить повышение цен.

Но как бы то ни было, затронутая мною цитированием весьма недвусмысленных нападок тема взаимоотношения между министром хозяйства и гражданином, вопрос отношения государственного управления хозяйством к самому хозяйству и, прежде всего, вопрос организации хозяйства и его места среди прочих областей государственной жизни и общественного порядка, – все это вызывает к жизни настолько интересные и важные проблемы, что необходимо подвергнуть их внимательному рассмотрению. Это тем более необходимо, что основной замысел социального рыночного хозяйства исходит из тех же принципов, на которых должна покоиться современная социальная и свободная демократия.

Приступая к этому рассмотрению, я позволю себе привести постоянно повторяемое мною положение: критерием и судьей хорошего и плохого в хо-

¹ Людвиг Эрхард (1897–1977) – западногерманский экономист и государственный деятель. Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.

зяйственной политике являются не догматы и не групповые интересы, а исключительно человек, потребитель, народ. Одобрить ту или иную хозяйственную политику можно лишь в том случае, если она служит и пока она служит пользе и благу людей как таковых, человека как такового.

Доводя эту мысль до логического конца, приходишь к заключению, что хотя в любой экономике и существуют групповые интересы, не они должны определять линию экономической политики, и что столкновение частных интересов не ведет к плодотворному синтезу. Поэтому нельзя допустить разложение народного хозяйства на составные части – групповые интересы. Нельзя идти путем распада, отдаляться от того всеобъемлющего, подлинного порядка в хозяйственной жизни, который один лишь способен гарантировать гармонию в социальной жизни народа. Поэтому нашей наиважнейшей задачей должно быть предотвращение этой опасности.

Предприниматели должны обладать чувством ответственности

Касаясь этой моей основной установки, я никогда не оставлял места для двусмысленных толкований. Еще 29 августа 1948 г. я говорил на съезде ХДС¹ британской зоны в Реклингхаузене: «Я не ощущаю себя представителем интересов имущих слоев, тем более представителем интересов промышленных или коммерческих кругов. Подобное предположение было бы совершенно ложным. Быть ответственным за экономическую политику – значит нести ответственность перед всем народом. Я глубоко убежден, что мы сможем разрешить стоящие перед нами тяжелые задачи только в том случае, если нам удастся путем сохранения рыночного хозяйства поднять благосостояние не только отдельных слоев населения, а всего нашего народа, если нам удастся, путем крайнего напряжения усилий и постоянного повышения производительности, обеспечить народным массам достойный уровень жизни и неуклонно его повышать. Если пытаются изобразить дело так, будто я являюсь человеком, который стремится защищать лишь совершенно определенные интересы, то это клевета. Наоборот. Я требую самым решительным образом именно от ответственных крупнейших предпринимателей, в руках которых находятся орудия производства и аппарат распределения нашего народного хозяйства, наибольших жертв, наивысшего сознания ответственности».

Я привожу эти соображения, высказанные в начальной стадии развития рыночного хозяйства, чтобы еще раз подчеркнуть: те, кто в последующие годы пытались выдвинуть на первый план свои частные интересы и потер-

¹ Христианско-демократический союз Германии – политическая партия в Германии, основанная в 1945 г.

пели при этом крушение, не смеют ссылаться на мои моральные принципы. Я никогда не давал повода для сомнений в том, что частные интересы могут быть оправданы лишь тогда, когда они одновременно служат так же интересам общества.

Ни одна отрасль хозяйства не имеет права на привилегии. Разумеется, это утверждение не исключает факта, что с точки зрения отдельных лиц, хозяйство представляется как сумма частных интересов. Все дело в том, чтобы, регулируя эти интересы, направлять их в конечном итоге на путь общего блага.

В одном из моих более ранних выступлений я как-то раз указал на роль государства как высшего арбитра. Хочу воспользоваться здесь немного банальным примером футбольной игры. Я считаю, что так же, как судья на футбольном поле не имеет права участвовать в игре, так и государство не должно принимать в ней участие. Существенной предпосылкой правильной, хорошей игры является то, что игроки следуют определенным, заранее установленным правилам. То, к чему я стремлюсь, проводя политику рыночного хозяйства, – чтобы уж оставаться при нашем примере, – это выработать порядок и правила этой игры.

Свобода – как высшая цель

В футбольной команде, например, также не принято, чтобы все одиннадцать игроков становились в ворота. Если они попытаются это сделать, мы как зрители с полным правом могли бы их освистать, сочтя это неспортивным и противоречащим правилам игры. От нападающих мы требуем, чтобы они нападали. Если они думают, что их обязанностью является защищать ворота или даже стоять в воротах, то мы вправе считать это неоправданным и нарушающим игру, чего мы не потерпим. Очень сходны функции хозяйственного порядка. Я считаю, что именно такому образцу хозяйственного порядка, которому я следую во всех моих действиях, мы обязаны нашими успехами. Даже в том случае, если мы вынуждены будем по отдельным пунктам отклониться от этого образца, он сохранит свое значение.

Зрители футбольной игры несомненно будут в большой претензии к игрокам, если те перед игрой заключат соглашение, сколько голов разрешается забить той и другой команде, и, таким образом, проведут не ожидаемое нами честное соревнование, за которое мы заплатили, купив входной билет, а будут без борьбы выполнять заключенное соглашение. Поэтому я считаю, что основой всего рыночного хозяйства является и должна остаться свободная конкуренция. Это возможно только там, где не будет допущено никакое угнетение свободы, но где свобода основывается на моральном и правовом кодексе народа и является общеобязательным законом, больше того, наивысшей ценностью общества.

Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. И если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу.

Как в государственном, т.е. в общественно-политическом устройстве порядок устанавливается основными законами, конституцией, которая определяет формы человеческого общежития и регулирует взаимоотношения людей, – так и в хозяйстве существует подобный порядок. Здесь сферы ответственности ясно разграничены. Предприниматель несет ответственность за свое предприятие; тут он может с полным правом требовать, чтобы его действия были свободны от государственной указки и водительства, чтобы он пользовался полной предпринимательской свободой. Я первый, кто поддерживает это требование предпринимателей. Но ответственность за хозяйственную политику несет только государство. Нам известно, куда приводит смешение этих двух функций.

Эти короткие замечания показывают, как в моем представлении должны выглядеть основы рыночно-хозяйственной политики и где мне хотелось бы видеть границу между личностью и государством.

Следует объяснить, почему я придаю этим вопросам такое решающее значение, почему я вообще придаю хозяйству судьбоносное значение. При этом я ни в коем случае не желаю вызвать впечатление, будто я рассчитываю найти в плане самой экономики универсальное средство для борьбы со всеми нашими общественными и социальными бедствиями. Я далек от этого! Человеку необходимо его физическое существование, чтобы иметь возможность называться человеком, чтобы иметь возможность для всестороннего духовного и умственного развития. Так обстоит и с жизнью целого народа. Хозяйство является самой примитивной, но одновременно и самой необходимой основой, ибо только на базе здорового хозяйства общество имеет возможность достичь своих непосредственных и конечных целей.

Хозяйственная основа должна быть здоровой для того, чтобы она не стала исходным пунктом для извращений в народном организме и его разложения. Определение духовного, морального и материального облика хозяйства должно быть, в конечном счете, делом политики, заботой общества. Если эта моя точка зрения не дает основания заподозрить меня в преувеличении значения материальных ценностей, то с другой стороны я думаю, что, за исключением гениев, человек осознает значение своей личности и своего человеческого достоинства только тогда, когда его не гнетут материальные заботы, мелкая будничная нужда, т.е. когда материальные проблемы удовлетворены и поэтому перестают играть главную роль.

Распределение задач между государством и хозяйством

Итак, я повторяю, в задачу государства не входит непосредственное вмешательство в хозяйство, во всяком случае до тех пор, пока этого не потребует само хозяйство. Так же не уместается в рамки основанного на предпринимательской самостоятельности хозяйства деятельность самого государства в роли предпринимателя. Из этого положения, естественно, вытекают определенные последствия для хозяйства в том смысле, что оно не должно превращать государство в представителя своих интересов. Здесь необходимо придерживаться недвусмысленных принципов.

Нельзя, с одной стороны, требовать от государства, чтобы оно не занималось хозяйственной деятельностью, а с другой стороны, когда это становится необходимым, – обращаться к государству с просьбой о помощи. Существуют своего рода разделение труда, разграничение сфер деятельности между предпринимательским хозяйством с центром тяжести в области производства и хозяйственно-политической деятельностью, являющейся задачей правительства и, в частности, министра хозяйства. Иногда у меня создается впечатление, что в отношении этого разграничения функций создается путаница и неуверенность. Ответственным за экономическую политику – я это подчеркиваю – является исключительно государство, в рамках данных ему демократическо-парламентских компетенции и прав. Конечно, вполне законна заинтересованность предпринимателей в экономической политике, как законно их право высказывать свое мнение, но им самим, как и их представительным органам, нельзя вмешиваться в экономическую политику.

Если можно с уверенностью говорить о том, что в нашей Федеративной республике либеральное хозяйство принадлежит прошлому и что хозяйство, направляемое и регулируемое государством, может считаться ликвидированным, то это ставит нас перед необходимостью четко обрисовать новое в нашей экономической политике. Новое в ней – это то, что государство, и в частности министр хозяйства, в настоящее время не обращается больше к отдельным лицам, не приказывает отдельным предпринимателям, что оно освободило их от резолюций, разрешений, концессий и лицензий. Государство исходит при этом из принципа: предприниматель так же, как и рабочий, как любой другой гражданин в государстве, должен быть свободен в области своей личной деятельности.

Конечно, это вовсе не означает, что сняты все тормоза и открыта дорога анархии. Вместо непосредственного, даваемого государством приказа, или взамен отказа от всякого вмешательства – и эта вторая установка так же важна, как и первая – современная государственная политика по отношению к хозяйству основывается на стремлении такого использования инструментов хозяйственной политики, находящихся в руках государства, которое высво-

бождает новые силы, открывает новые возможности и закрывает бесплодные пути. Это означает – выбором и комбинацией средств направлять хозяйство вперед к новому прогрессу.

Объемистый список грехов

Конечно, нужно признаться, что для полного осуществления такого порядка, каким я его себе представляю, многого недостает. В связи с этим я как-то говорил о длинном списке грехов, в котором числятся неверные и необоснованные пожелания и требования немецкого хозяйства, а также и недостатки экономической политики в самом широком смысле. При этом я указывал на то, что мы должны прийти к прискорбному выводу, что у нас совсем нет достаточного основания гордиться достигнутыми с тех пор успехами рыночного хозяйства.

Существующие в немецкой промышленности стремления к объединению в картели я разбираю особо в другом месте этой книги. В связи с этим необходимо остановиться на различных предложениях в введении так называемой регламентации для отдельных профессий, что должно было бы вредно отразиться на осуществлении всей моей хозяйственной политики, затормозило бы конкуренцию и снизило бы производительность. К этим грехам относятся также требования о защите отдельных профессиональных наименований и обозначений при помощи специальных законов. Важное место в списке грехов занимает также требование о расширении обязательного коллективного страхования. В этот список входит также иллюзорное представление, будто хозяйственная судьба отдельных хозяйственных или профессиональных групп может быть «паритетно» обеспечена или лучше защищена: я имею в виду требования ввести подвижную шкалу для таможенных пошлин с целью исключить в собственной стране конкуренцию извне. К этому надо присоединить также требования соблюдать большую осторожность в деле либерализации нашей внешней торговли или, как принято говорить, – сохранять чувство ответственности (под этим подразумевается – действовать возможно медленнее и нерешительнее). Немецкой общественности известно сопротивление, оказанное стремлению к более решительному снижению пошлин, известны возражения моему стремлению окончательно установить свободный обмен валют. Все эти примеры показывают степень засоренности системы рыночного хозяйства различными пережитками.

Этих примеров во всяком случае достаточно, чтобы уяснить себе незначительность достигнутых нами до сих пор успехов в деле подчинения групповых интересов государственным. Во всяком случае на практике нам здесь еще не удалось найти окончательное решение, причем мы оставляем открытым вопрос, удастся ли вообще когда-либо достичь полного согласования интересов.

Не могут также остаться незамеченными различные попытки хозяйственных кругов оказывать влияние на решения парламента и правительства. Так дело обстоит не только в Германии, но и во всем мире. Пора признать, что это является подлинно болезненным явлением или по меньшей мере источником кризисов нашего времени.

Эта взаимная борьба, как правило, имеет место между группами, представляющими в конечном счете лишь «интересы», с одной стороны, и государственными органами, с другой стороны. Конечно, только за государственными органами остается право окончательного решения. Границы между двумя этими сферами пока еще не определились настолько окончательно, чтобы можно было говорить о наличии развитого, замкнутого в себе, общественно-политического или государственно-политического порядка.

Исходя из изложенной мной хозяйственно-политической перспективы, я считаю, что по меньшей мере в период восстановления мы должны отказаться от всего, что хотя бы в отдаленной мере могло бы выглядеть как защита или покровительство определенной группе. Мы обязаны ощущать себя как некое единство, и не допускать поэтому выдвижение частных интересов. Как раз в нашем недалеком прошлом заметно было губительное стремление мыслить прежде всего в групповых категориях и добиваться для них особых преимуществ. Это то зло, которое я хотел бы видеть сведенным до минимума.